

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПИСЬМА А. И. ОДОЕВСКОГО

Публикация М. А. Брискмана

I. СТИХОТВОРЕНИЯ «ВЕНЕРА НЕБЕСНАЯ» И «ЗАЧЕМ НОЧНАЯ ТИШИНА»

Встреча Н. П. Огарева на Кавказе с декабристами и, в частности, с А. И. Одоевским — эпизод, необычайно ярко иллюстрирующий связь между русскими революционерами двух поколений.

«Встреча с Одоевским и декабристами,— писал Огарев,— возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь... это чувство меня не покидало. Я написал в этом смысле стихи, которые, вероятно, были плохи по форме, потому что я тогда писал много и чересчур плохо, но которые по содержанию, наверно были искренни до святости, потому что иначе не могло быть. Эти стихи я послал Одоевскому после долгих колебаний истинного чувства любви к ним и самолюбивой застенчивости. Часа через два я сам пошел к нему. Он стоял середь комнаты; мои стихи лежали перед ним на стуле. Он посмотрел на меня с глубоким, добрым участием и раскрыл объятия; я бросился к нему на шею и заплакал, как ребенок. Нет! и теперь не стыжусь я этих слез; в самом деле, это не были слезы пустого самолюбия. В эту минуту я слишком любил его и их всех, слишком чисто был предан общему делу, чтоб какое-нибудь маленькое чувство могло иметь доступ до сердца. Они были чисты, эти минуты, как редко бывает в жизни. Дело было не в моих стихах, а в отношении к начавшему, к распятому поколению — поколения, принявшего завет и продолжающего задачу»¹.

Огарев, очевидно, имел в виду свое ныне широко известное стихотворение «Я видел вас, пришельцы дальних стран...», впервые опубликованное в 1902 г. под заглавием: «К декабристам».

Воспоминания Огарева на долгие годы определили восприятие образа Одоевского и его поэзии. Огарев нарисовал в прозе («Кавказские воды») и в стихах («И если б мне пришлось прожить еще год...») в высокой степени поэтический и благородный облик поэта-декабриста, «чей стих мне был как песнь серебряная звонко».

Одно из центральных мест в воспоминаниях Огарева — рассказ о том, как Одоевский читал в Железноводске стихи: «...Мы пошли в лес, по дорожке к источнику. Деревья по всей дорожке дико сплетаются в крытую аллею. Месяц просвечивал сквозь темную зелень. Ночь была чудесна. Мы сели на скамью, и Одоевский говорил свои стихи. Я слушал, склоня голову. Это был рассказ о видении какого-то светлого женского образа, который перед ним явился в прозрачной мгле и медленно скрылся.

Долго следил я эфирную поступь...

Он окончил, а этот стих и его голос все звучали у меня в ушах. Стих остался в памяти; самый образ Одоевского, с его звучным голосом, в поздней тишине леса, мне теперь кажется тоже каким-то видением, возникшим и исчезнувшим в лунном сиянии кавказской ночи...»².

Стихотворение Одоевского, строку из которого запомнил Огарев, оставалось до сих пор неизвестным.

Публикуем ныне это стихотворение — «Венера небесная» по списку, обнаруженному нами в фонде Якушкиных, в Центральном государственном историческом архиве в Москве. Список этот находится в одной тетради со списками трех известных стихотворений Одоевского: «На смерть Веневитинова», «Послание к Е...» («Как я давно поэзию оставил...»; по другому списку «Послание» печаталось под заглавием «Поэзия»; здесь несколько иной текст) и «К отцу» (здесь озаглавлено: «Песнь к отцу»). По своему содержанию «Венера небесная» совершенно соответствует рассказу Огарева, а наличие цитируемой им строки не оставляет никаких сомнений в авторстве Одоевского. Окончательно в авторстве Одоевского убеждает то, что в бумагах Муханова находится автограф первоначального и незаконченного текста этого стихотворения³.

«Венера небесная», очевидно, написана — во всяком случае, начата — еще в Сибири, — иначе автограф не мог бы оказаться в бумагах П. А. Муханова. Интерес этого стихотворения не только в том, что оно дополняет рассказ Огарева и расширяет круг известных нам произведений Одоевского, написанных после каторги и дошедших в ничтожном количестве.

ВЕНЕРА НЕБЕСНАЯ

Клубится чернь: восторгом безотчетным
 Пылает взор бесчисленных очей;
 Проходит гул за гулом мимолетным;
 Нестройное слияние речей
 Растет; но вновь восторг оцепенелый
 Сомкнул толпы шумливые уста...
 Не мрамор, нет! не камень ярко-белый,
 Не холодная богини красота
 Иссечена ваятеля рукою;
 Но роскошь неги, жизни полнота; —
 И что ни взгляд, то новая черта,
 Скользя из глаз округлостью живою,
 Сквозь нежный мрамор дышит пред толпою.
 Все жаждали очами осязать
 Сей чудный образ, созданный искусством,
 И с трепетным благоговейным чувством
 Подножие дыханьем лобызать.
 Казалось им: из волн, пред их очами,
 Всплывает Дионеи влажный стан
 И вокруг нее сам старец-Океан
 Еще шумит влюбленными волнами...
 Сглянулись в упоеньи: каждый взгляд
 Искал в толпе живого соучастья;
 Но кто средь них? Чьи очи не горят,
 Не тают в светлой влаге сладострастья?
 Его чело, его покойный взор
 Смутили чернь; и шопотом укор
 Пронесся, — будто листьев трепетанье.
 «Он каменный!» — промолвил кто-то. «Нет,
 Завистник он!» — воскликнули в ответ,
 И вспыхнула гроза; негодование,
 Шумя, волнует площадь; вокруг него
 Толпятся все теснее и теснее...
 «Кто звал тебя на наше празднество?» —
 Гремела чернь. «Он пятна в Дионее
 Нашел!» — «Ты богохульник!» — «Пусть резец
 Возьмет он: он — ваятель!» — «Я — поэт».

И в руки взял он лиру золотую,
Взглянул с улыбкой ясной, и слегка
До звонких струн дотронулась рука;
Он начал песнь младенчески простую:

«Легкие хоры пленительных дев
Тихо плясали под говор Пелея;
Негу движений я в лиру вдыхал,
Сладостно пел Дионею.

*

В образ небесный земные красы
Слил я, как звуки в созвучное пенье;
Создал я образ, и верил в него, —
Верил в мою Дионею.

*

Хоры сокрылись. Царица ночей,
Цинтия томно на небо всходила;
К лире склоняясь, я забылся... но вдруг
Замерло сердце: явилась

*

Дочь океана! Над солнцем Олимп
Светит без тени; так в неге Олимпа,
В светлой любви без земного огня
Таяли очи небесной.

*

Сон ли я видел? Нет, образ живой;
Долго следил я эфирную поступь,
Взор лучезарный мне в душу запал,
С ним — и мученье и сладость.

*

Нет, я не в силах для бранных очей
Тканью прозрачной облечь неземную;
Голос немеет в устах... но я весь
Полон Венеры небесной).

* * *

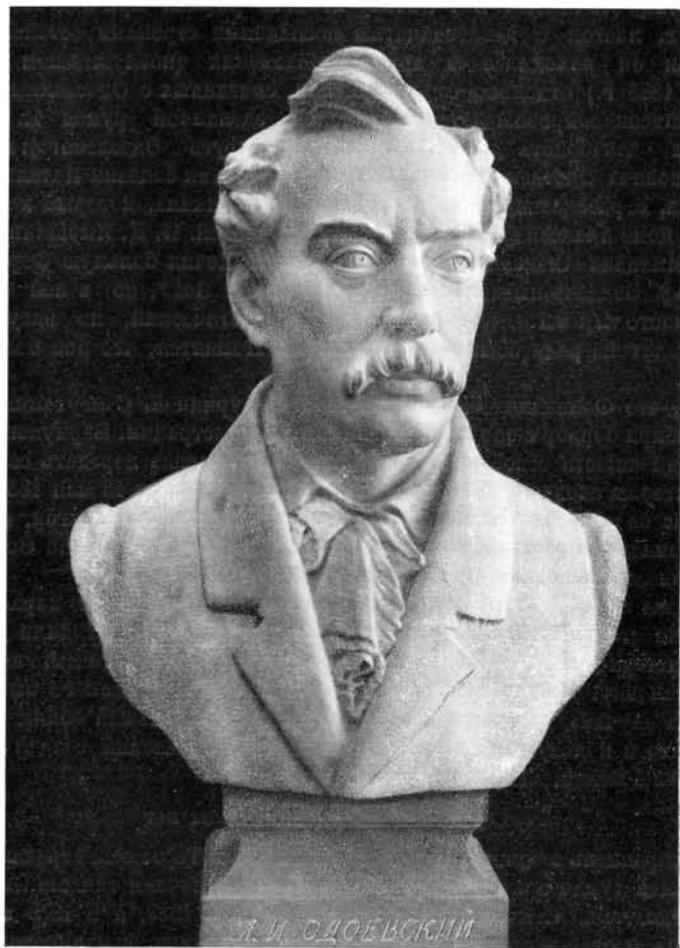
В сборнике произведений Одоевского 1883 г. было впервые напечатано стихотворение, начинающееся строками:

Зачем ночная тишина
Не принесет живительного сна
Тебе, страдальца младая?

Когда было написано это стихотворение, оставалось до сих пор неизвестным; смысл его казался темен.

Буржуазно-либеральная критика стремилась затушить революционное содержание творчества Одоевского, представить его поэзию прежде всего как поэзию страдания. Стихотворение «Зачем ночная тишина...» было истолковано как автобиографическое и послужило основанием для глубоко неверной характеристики творчества поэта-декабриста. Пониманию стихотворения как автобиографического мешало, однако, то, что в нем идет речь о страданиях и недуге женщины, о ее жалобах. Н. А. Котляревский вышел из затруднительного положения, объявив, будто в стихотворении имеется в виду «душа поэта». Тем самым все становилось на свое место; в соответствии со своими утверждениями: «чем ближе подходил поэт к 1839 году, последнему в его жизни, тем все явственнее слышался ему этот

призыв смерти», Котляревский мог назвать стихотворение «Зачем ночная тишина...» ярким изображением «предсмертной агонии „души поэта“»⁴. Ю. И. Айхенвальд конкретизировал это символическое толкование, назвав в свою очередь стихотворение «предчувствием смертельной болезни», которая свела Одоевского в могилу⁵. И все это базировалось лишь на уверенности, что стихотворение «Зачем ночная

А. И. ОДОЕВСКИЙ

Бюст (мрамор) работы Н. В. Дыдыкина, 1952 г.

Дирекция художественных выставок и панорам
Министерства культуры СССР, Москва

тишина...» написано на Кавказе, хотя никаких доказательств такой датировки не существовало и ее надо было еще установить.

Окуtywавшие поэзию Одоевского мистическим туманом пустые в сущности фразы Котляревского и Айхенвальда оказали воздействие и на советских исследователей. Доныне стихи «Зачем ночная тишина...» считаются чуть ли не последним произведением Одоевского, а эта точка зрения укрепляет уверенность в том, будто перед смертью поэт-декабрист осмыслил всю свою жизнь лишь как страдание; в статьях и комментариях фигурирует «душа поэта», и исследователи продолжают привлекать стихотворение для характеристики творчества Одоевского и его душевного состояния в кавказский период.

В последних строках стихотворения нехватало рифм—это наводило исследователей на мысль об «оборванности» — «поэзия его как будто раскололась, разбилась»⁶.

Обнаруженные нами в Центральном государственном литературном архиве в Москве два списка стихотворения «Зачем ночная тишина...» помогают установить, когда оно было написано, и правильно его осмыслить⁷. Оба списка дают полный текст стихотворения. Как теперь выясняется, оно печаталось с пропуском одной строки (29-й) и без конца (19 строк). Вот почему исчезли рифмы. При подготовке к печати издания 1883 г. листок с девятнадцатью последними строками остался незамеченным, так как он находился в архиве Вяземских (послужившем источником для издания 1883 г.) отдельно от материалов, связанных с Одоевским.

Второй список сопровождается припиской, сделанной рукой Е. П. Нарышкиной (жены декабриста М. М. Нарышкина, друга Одоевского): «Стихи Александра Ивановича Одоевского, писанные им во время болезни Натальи Дмитриевны Фон-Визин, с рассказов Ивана Дмитриевича Якушкина, который ходил за больною в Чите, в доме Александры Григорьевны Муравьевой. И. Д. Якушкин был старинным другом Михайла Александровича Фон-Визина. Лечил больную Фердинанд Богданович Вольф. Болезнь именовалась *la danse de St. Gui**, но в ней что-то выражалось духовного как бы искушение. Бред был поэтический, по натуре больной, которая выходит из ряда обыкновенных людей. Помнится, что она болела в зиму 29-го года»⁸.

Известно, что Фонвизина была женщиной незаурядной. С неутомимой энергией она вела в Сибири борьбу с злоупотреблениями администрации. Вернувшись в Россию и не имея возможности освободить крестьян, она пыталась передать свои имения в казну. Характерны слова И. Д. Якушкина в письме к ней от 13 мая 1855 г.: «Много благодарю Вас за подробности, которые Вы мне сообщили о подвигах, совершенных Вами по управлению крестьянами. Я радовался, видя, как усердно Вы исполняете служение, возложенное на Вас провидением»⁹.

Все, что мы знаем о Фонвизинной, свидетельствует о сильном характере. Но ее экзальтированность, повышенная религиозность, страстность доходили до болезненности, почти истеричности. В Сибири она много и часто болела, тяжело переживая тамошнюю обстановку. Можно думать, что стихотворение Одоевского было не стихотворением «на случай», а попыткой воспроизвести своеобразный облик Фонвизинной. Хорошо зная ее и пользуясь рассказами Якушкина, Одоевский создал выразительную картину ее болезни. Любопытно, что к стиху

Страдала я в сей жизни! силы нет

мы находим параллель в одном из ее писем из Сибири: «Терзаюсь, страдаю и только!».

Мистический туман вокруг стихотворения «Зачем ночная тишина...» теперь полностью рассеивается. Стихотворение написано не в 1839, а в 1829 году. Это не стихи о душе поэта, а стихи об определенной женщине, с конкретной судьбой.

Правда, стихотворение относится к числу наименее удачных, наименее значительных из дошедших до нас произведений Одоевского. Но дошло их до нас так немного, что мы не можем пренебрегать и этим, пусть мало интересным стихотворением. Основная же ценность найденных материалов в том, что они позволяют опровергнуть созданную легенду: стихотворение вовсе не автобиографично.

Приводим текст стихотворения по обнаруженным спискам. Ранее были неизвестны строки 29 и 32—50:

Зачем ночная тишина
Не принесет живительного сна
Тебе, страдальца младая?
Уже давно заснули небеса;
Как усыпительна их сонная краса,
И дремлющих полей недвижность ночная!
Спустился мирный сон, но сон не освежит

* пляска св. Вита (франц.).

Тебя, страдальца младая!
 Опять недуг порывом набежит,
 И жизнь твою, как лист пред бурей, задрожит!
 Он жилы нежные, как струны, напрягая,
 Идет, бежит, по ним ударит; и в ответ
 Ты вся звучишь и страхом и страданьем;
 Он жжет тебя, мертвит своим дыханьем,
 И по листу срывает жизни цвет;
 И каждый миг, усиливая муку,
 Он в грудь твою впилился, он царствует в тебе!
 Ты вся изнемогла в мучительной борьбе;
 На выю с трепетом ты наложила руку;
 Ты вскрикнула; огонь брызгнул из очей,
 И на одре безрадостных ночей
 Привстал бледная; в очах горят мученья;
 Страдальческим огнем блестит безумный взор,
 Блуждает жалобный и молит облегченья...
 Еще проходит миг; вновь тянутся мгновенья...
 И рвется из груди чуть слышимый укор:
 «Нет жалости у вас! постойте! вы так больно,
 Так часто мучите меня...
 Нет силы более! нет ночи, нету дня,
 Минуты нет покойной. Нет! довольно
 Страдала я в сей жизни! силы нет...
 Но боль растет: все струны натянулись...
 Зачем опять вы их коснулись,
 И воплей просите в ответ?
 Еще — и все они порвутся! Ваши руки
 Безжалостно натягивают их.
 Вам разве сладостны болезненные звуки,
 Стенящий ропот струн моих?
 Но кто вы? Кто из вас и злобный и могучий
 Всю лиру бедную расстроил? Жизнь мою
 Возьмите от меня: я с радостью пролью
 Последний гул земных раззвучий,
 И после долгих жизни мук
 Вздохну и сладко и покойно;
 На небе додрожит последний скорбный звук;
 И все, что было здесь так дико и нестройно,
 Что на земле, сливаясь в смутный сон,
 Земною жизнью зовется, —
 Сольется в сладкий звук, в небесно-ясный звон,
 В созвучие любви божественной сольется».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. П. Огарев. Кавказские воды. — Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 406.

² Там же, стр. 413.

³ ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 1048, лл. 3 об. — 4 об.; ф. № 1068, оп. 1, ед. хр. 721, л. 7—7 об.

⁴ Н. А. Котляревский. Декабристы кн. А. Одоевский и А. Бестужев. СПб., 1907, стр. 94.

⁵ Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. М., 1917, стр. 57.

⁶ В. Г. Базанов. Поэты декабристы. М.—Л., 1950, стр. 215.

⁷ ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 5612, л. 109; ф. № 368, ед. хр. 1, лл. 3—4.

⁸ Там же, ф. № 368, ед. хр. 1, л. 4 об.

⁹ Якушкин, стр. 422.

II. ПИСЬМА к И. Д. ЯКУШКИНУ

Из писем Одоевского за 1833—1836 гг., то есть за то время, когда он жил на поселения в Восточной Сибири, в селе Елани, известны были до сих пор лишь письма к отцу, да два полуофициальных письма к иркутскому губернатору И. Б. Цейдлеру и к брату его, Ф. Б. Цейдлеру. Ни одного письма Одоевского к друзьям-декабристам до сих пор обнаружено не было. Тем больший интерес представляют публикуемые ниже два письма его к И. Д. Якушкину. Письма эти дополняют наши сведения об Одоевском в ссылке и свидетельствуют об идейном и психологическом единстве, характерном для многих ссыльных декабристов.

О взаимоотношениях Одоевского и Якушкина неизвестно почти ничего. Предполагается, что Якушкину (вместе с Анненковым и Юшневским) принадлежит отзыв об Одоевском, переданный провокатором Медоксом: «Одоевский — ангельской доброты. Питт и учен; знает почти все главные европейские языки. По богатству был в Петровском остроге в числе тамошних магнатов. Несмотря на богатство, он всегда в нужде, ибо со всеми делится до последнего»¹. Е. П. Оболенский писал о Якушкине, вспоминая Читинскую тюрьму: «...не без пользы протекло это время для Ивана Дмитриевича: он умел возбудить в юношах, бывших с нами, желание усовершенствоваться в познаниях, ими приобретенных, и помогал им по возможности и советом, и наставлением. Часто по целым часам хаживал он с юным Одоевским и возбуждал его к той поэтической деятельности, к которой он стремился»². Публикуемые письма также свидетельствуют об авторитете Якушкина для Одоевского и об интересе Якушкина к его поэтической деятельности.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в ЦГИА в Москве (ф. № 279, Якушкиных, оп. 1, ед. хр. 87, лл. 1—4).

1

⟨27 февраля 1834 г. с. Елань⟩

Прошел год с тех пор как я расстался с Вами, любезный Иван Дмитриевич!³ и я еще ни разу не писал к Вам; но Вы — не правда ли? — Вы были уверены, что я Вас помню. Иногда много лиц проходят мимо меня длинною вереницею, но Вы одни из тех, которых мое воображение живее осуществляет, долее задерживает перед глазами. Отчего так? Кажется, мы не часто и не много уверяли друг друга в чувствах взаимной приязни: а между тем — я верю в Вашу дружбу. Сколько раз брал я в руки Вашего Бейрона! Нередко бывает, что я и строки не прочту в нем; но непременно заведу с Вами беседу, — без всякого спора, мирно и дружно, с искреннею и неизменною любовью.

Знаете или нет: *где я и каково мне?* Но, во всяком случае, я уверен, что Вы только об одном у меня спросите: *что я?* Да как Вам отвечать? Тот же? Нет, по врожденному самолюбию, право, мне кажется: несколько лучше! потому, что я чаще бываю с самим собою. Впрочем, не спрашивайте, что я произвел? Почти ничего. Читаю много, творю мало; но зато если у меня (авось!) что-либо выльется, то, без всякого сомнения, с большей отчетливостью против прежнего; ибо, благодаря моему одиночеству, я могу весь жить в моем предмете: внешний мир меня не развлечет.

Нет! хотя я и не Циммерман, но, после годового опыта, я, право, не согласен с Петром Николаевичем⁴.

Прощайте. Дайте мне пожать Вашу руку и повторить, что я Вас помню живо и люблю горячо: есть чувства, которые глубоко западают в мою душу.

Вам преданный Александр Одоевский

27 фев⟨раля⟩ 1834

Р. S. Дружески поклонитесь от меня И. И. Пущину: я дорожу его памятью; скажите Фердинанду Богдановичу⁵, что я сохранил к нему те же

чувства: приязнь за приязнь и признательность за то, что не криво гляжу на мир, хоть в вещественном смысле.

2

⟨6 февраля 1836 г. с. Елань⟩

Mon cher Иван Дмитриевич,

Je ne suis pas oublieux de mon naturel; vous le savez — je vous aime comme toujours.

Je vous remercie pour Votre Silvio; il m'a fait éprouver un sentiment de tristesse indicible, en me faisant repasser dans un quart d'heure de lecture huit années de mon existence⁶. Si je n'ai pu me défendre d'un moment de tristesse, je suis en général résigné et d'une patience à toute épreuve, — ainsi que vous le savez vous-même. Amoureux de ma solitude qui est complète, — je ne fais aucune démarche pour un changement de lieu de séjour, — et je n'ai aucun désir poignant sinon celui de voir mon père à qui ont avait promis de nous réunir pour un peu de temps à Курган. Les vœux de mon père n'ont pu être réalisés à ce qu'il paraît, — puisque cette affaire traîne depuis huit mois. — Que faire? Il faut encore s'y résigner. Je ne dois plus le revoir ici-bas⁷.

Adieu, mon bon et cher Иван Дмитриевич; je Vous aime et estime du fond de mon âme, et Vous prie de ne pas m'oublier.

J'attends le mois de juillet avec impatience: peut-être pourrai-je vous voir à Белектуй⁸. Lorsque vous passerez par Irkoutsk, dites-en un mot au gouverneur-général qui est un galant homme. Je Vous embrasse bien tendrement.

Tout-à-vous à jam<ais>

Alexandre O d o <e v s k y>

Le 6 Février <1836>

Serrez la main à Pouschine.

Que fait la pauvre лавочка?⁹, comme le dit Наталья Дмитровна?¹⁰.

⟨Перевод:⟩

Дорогой Иван Дмитриевич,

Я не забывчив по природе; я люблю Вас как всегда — Вы это знаете.

Спасибо Вам за вашего Сильвио; он заставил меня испытать чувство невыразимой грусти, напомнив мне за какие-нибудь четверть часа чтения восемь лет моего существования⁶. Хотя я и не мог противостоять минутной грусти, я, вообще, человек покорный и, как Вы сами знаете, обладаю испытанным терпением. Влюбленный в свое полное уединение, я не предпринимаю никаких шагов для перемены моего местопребывания, — и у меня нет никаких сильных желаний, если не считать желания увидиться с отцом, которому было обещано соединить нас ненадолго в Кургане. Желания моего отца, повидимому, не могли осуществиться — поскольку это дело тянется уже восемь месяцев. — Что делать? Надобно и тут покориться. Не видать его мне больше на этом свете⁷.

Прощайте, добрейший и дорогой Иван Дмитриевич; я Вас люблю и уважаю всей душой и прошу Вас не забывать меня.

Жду с нетерпением июля: быть может, мне удастся повидаться с Вами в Белектуе⁸. Когда Вы будете проезжать через Иркутск, замолвите об этом словечко генерал-губернатору — он человек порядочный. Дружески Вас обнимаю.

Всегда Ваш Александр О д о <е в с к и й>

6 февраля <1836 г.>

Пожмите руку Пушкину.

Что делает несчастная лавочка?⁹, как говорит Наталья Дмитровна?¹⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С. Я. Штрайх. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1929, стр. 135.

² Якушкин, стр. 486.

³ Одоевский выехал с Петровского завода в январе 1833 г., был поселен сначала при Тельминской суконной фабрике, а затем в июне 1833 г., после запрещения Николаем I декабристам жить в заводских селениях, был переведен в с. Елань, в 36 верстах от Иркутска.

⁴ Одоевский имеет в виду весьма популярную в конце XVIII — начале XIX в. книгу швейцарско-немецкого моралиста Иоганна-Георга Циммермана «Об уединении относительно к разуму и сердцу» (последний русский перевод издан в 1822 г.). Об этой книге вспоминал и Н. И. Лорер, касаясь своего поселения в Кургане.

Петр Николаевич — священник Мысловский, посещавший декабристов в Петропавловской крепости и впоследствии переписывавшийся с Якушкиным и его семьей (см. о нем подробнее в настоящем томе на стр. 124).

⁵ Декабрист Ф. Б. Вольф — врач, очевидно, лечивший Одоевского.

⁶ Речь идет о книге Сильвико Пеллико «Мои темницы» (1833). О впечатлении, произведенном этой книгой на декабристов, см. Бестужевы — в статье и прим. М. К. Азадовского, стр. 651, 659, 664, 712—713.

⁷хлопоты отца Одоевского частично увенчались успехом, и в июле 1836 г. ссыльный декабрист был переведен в г. Ишим Тобольской губ. Но с отцом Одоевский встретился лишь по пути на Кавказ, в 1837 г.

⁸ Якушкин выехал на поселение в 1836 г., тем самым и данное письмо датируется 1836 г. — Белектуй — ближайшая к Елани почтовая станция.

⁹ Лавочка — повидимому, ходячее выражение в среде ссыльных декабристов. Например, Якушкин писал И. И. Пущину 14 марта 1841 г., непосредственно после слов о Муравьевых и, в частности, об А. М. Муравьеве: «Несчастная лавочка: торговцы в ней, приходя сами в ветхость и упадок, не только забывают о драгоценном товаре своем, но, кажется, еще всеми силами стараются истребить его ценность» (Якушкин, стр. 275); ср. также в письме Ф. Ф. Вадковского к И. И. Пущину (10 сентября 1842 г.) о А. З. Муравьеве: «Перечитывает старые романы и беспрестанно ездит в город, в иные дома, т. е. к лицам значащим, несколько тайком от наших; остер и зоп более, чем когда-нибудь, но жалко, что иногда для остроты выдает лавочку!» («Декабристы на поселении». М., 1926, стр. 82).

¹⁰ Наталья Дмитриовна — Н. Д. Фонвизина. См. о ней стр. 618—621 настоящего тома.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ»
(МУЗЫКА ДЕКАБРИСТА Ф. Ф. ВАДКОВСКОГО
НА СТИХИ ОДОЕВСКОГО)

Декабрист Федор Федорович Вадковский был скрипачом и композитором. Однако его музыкальные произведения до сих пор оставались неизвестными.

Вадковским было положено на музыку стихотворение Одоевского «Славянские девы», неоднократно исполнявшееся декабристами в казематах Петровского завода. Об этом писали Н. П. Огарев, М. А. Бестужев и Д. И. Завалишин. Но характеристики, данные Огаревым и Бестужевым музыке Вадковского, на первый взгляд представляются противоречивыми. По словам Огарева, «она носит характер романса того времени [...], которого задумчивая прелесть, выпедшая из слияния русской песни с европейской музыкой, для непредубежденного останется изящной». Огарев находил, что «в мотиве Вадковского есть талант, но в целом выработка ученическая», и хотя Огарев располагал музыкальным текстом, он не воспроизвел его из-за многочисленных, — как он писал, — ошибок¹. Бестужев, описывая первое исполнение «Славянских дев» на Петровском заводе, в день годовщины 14 декабря, называет сочинение Вадковского гимном: «...гимн был аранжирован превосходно, — мотив его очень близко подходил к мотиву гимна „Боже, царя храни“ Львова, и точно как будто бы гимн Львова был скомпанован по его образцу. В последнем куплете, где речь относится прямо к России и где Вадковский, неприметными оттенками гармонии переходит в чисто русский мир и заканчивает мотивом русской песни, — все присутствующие невольно восторженились, а особенно, когда слышался в этом куплете упоительно душевный голос Тютчева»².

Песня охрипша Славянскія дѣвы

Милъ, милъ и добрый, какъ и ты, какъ и ты...

Ты же, ты же, ты же, ты же, ты же, ты же, ты же, ты же, ты же, ты же...

ПЕСНЯ «СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ». МУЗЫКА Ф. Ф. ВАДКОВСКОГО НА СЛОВА А. И. ОДОЛЕВСКОГО. ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД, 1835 г. СПИСОК РУКОЙ И. И. ПУЩИНА, 1857 г.

Листы заглавный и первый

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Листъ второй. Старшая Гва.

[illegible]

All right now - go - be - don't let us - see
 follow us - also do not - hear o - we
 or we y - ou - let at - can we - with
 How we are through it - means no - we
 the party - we - and you can have
 All right just as we - want to - out

ПЕСНЯ «СЛАВЯНСКИЕ ДЕВЫ». МУЗЫКА Ф. Ф. ВАЛКОВСКОГО НА СЛОВА А. И. ОДО-
ЕВСКОГО. ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД, 1835 г. СПИСОК РУКОЙ И. И. ПУЩИНА, 1857 г.

Листы 4, 5

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В новонайденной тетради рукою И. И. Пущина переписаны (в 1857 г.) «Славянские девы» — слова и ноты³. Тетрадь эта была подарена Пущинным петербургскому врачу, профессору Н. Ф. Здекауеру, что явствует из надписи на последней странице. Приводим эту надпись:

Добрый и почтенный Николай Федорович, когда Вы будете слушать эту музыку или читать самую песнь — отголосок нашей мечты, может быть, несбыточной, — вспомните человека, который вполне Вам сочувствует и всегда сохранит воспоминание отрадной встречи с Вами и приятных бесед о том о сем.

Душевно Вам преданный И. П.

7-го апреля 1857

С. П. бург.

Список стихотворения Одоевского совпадает с одним из уже известных вариантов.

В записи музыкального текста допущено несколько очевидных ошибок, которые, однако, не мешают получить общее представление о нем. Текст этот — яркая иллюстрация к рассказу Бестужева. Тетрадь Пущина позволяет также убедиться, что обе характеристики музыки Вадковского — и та, которая была сделана Огаревым, и та, которую дал Бестужев, — хотя и не вполне точны, но в известной мере соответствуют действительности и дополняют друг друга.

К сожалению, музыку для хора, то есть для припева, Пущин не записал, и это не дает нам возможности точно характеризовать форму произведения Вадковского.

Торжественные, маршевые вступления к обеим частям, самостоятельность и двухчленность построения каждой, чередование минора и мажора — все это объясняет, почему Бестужев говорит о музыке, созданной Вадковским, как о гимне (сравнение с музыкой Львова вызывает, впрочем, полное недоумение — настолько между ними нет ничего общего; возможно, что речь шла о припеве, который не дошел до нас). Но все же Огарев охарактеризовал ее более точно, чем Бестужев: музыка «Славянских дев» ближе к русскому романсу двадцатых — тридцатых годов, чем к гимну. Широко льющаяся мелодия, перекликающаяся с народно-песенными интонациями, кое-чем напоминает алябьевского «Соловья» и даже (во второй части песни) увертюру к «Ивану Сусанину» М. И. Глинки (15-й такт). Замысел Вадковского отличается широтой и серьезностью, хотя нельзя не согласиться с Огаревым, что «в целом выработка ученическая». Так, чрезмерно обширный диапазон вокальной партии (две октавы) должен был чрезвычайно затруднять исполнителя — недаром Тютчев жаловался Бестужеву: «Кажется, спую, но как — это другое дело. Злодей Вадковский измучил меня, топ снет! Вытягивай ему каждую нотку до последней тонкости, как она у него написана на бумаге». Впрочем, можно предположить, что первая и вторая части написаны для разных голосов — тогда становятся понятными слова Бестужева: «в последнем куплете <...> послышался <...> голос Тютчева»⁴.

Тетрадь И. И. Пущина не только знакомит нас с музыкальным творчеством Ф. Ф. Вадковского; она помогает глубже понять значение для ссыльных декабристов стихотворения Одоевского.

В литературе уже отмечалось, что стихотворение Одоевского «Славянские девы» отразило некоторые из идей Общества Соединенных Славян и интерес декабристов к польскому национально-освободительному движению. Популярность этого стихотворения среди декабристов — свидетельство понимания ими того значения, которое имела борьба русского народа против царизма для национально-освободительной борьбы славянских народов. Характерно, что в вариантах Бестужева и Розена последняя строка, вместо «Сладкую песню с ними запой», читается так: «Радостно песню свободы запой».

Надпись, сделанная Пущинным на экземпляре «Славянских дев», — новое и убедительное доказательство глубоко идейного восприятия декабристами стихотворения

Одоевского «Славянские девы», которое Пушкин называет «отголоском нашей мечты, может быть, несбыточной...».

Тетрадь Пушкина, кроме того, позволяет установить существенный, не известный до сих пор, факт из жизни декабристов на Петровском заводе.

Вспоминая о первом исполнении «Славянских дев», М. А. Бестужев рассказывал и о создании им песни «Что ни ветер шумит...», посвященной восстанию Черниговского полка и С. И. Муравьеву-Апостолу. Комментируя рассказ Бестужева, М. К. Азадовский подверг сомнению датировку песни, предложенную М. И. Семевским, — 1835 год, так как Бестужев вспоминал о 1829 или 1830 годе. Однако из рассказа Бестужева ясно, что песня была им написана тогда же, когда Вадковский сочинил музыку к «Славянским девам», а Пушкин датирует музыку 1835 годом. Таким образом, даты Семевского и Пушкина совпадают, и датировка Семевского подтверждается.

Но Семевский указывает не только год, а и день: 29 декабря⁵. Это — не случайное число, это — день восстания Черниговского полка.

Картина, нарисованная Бестужевым в его воспоминаниях, уточняется и проясняется. Десятилетнюю годовщину восстания 14 декабря и десятилетнюю годовщину восстания Черниговского полка торжественно отмечали декабристы. Для первой Вадковский создал музыку на стихи Одоевского (сам Одоевский к этому времени уже был на поселении), для второй — Бестужев написал песню «Что ни ветер шумит...».

В рассказе Бестужева оба эти события слились в одно и отнесены к другому времени. Но это не удивительно. Бестужев писал свои воспоминания через 35 лет после событий, о которых идет речь. Ошибка Бестужева очевидна уже из того, что он писал: «14 декабря 1829-го или 30-го года — не могу припомнить, но только в каземате Петровского острога»⁶, а в действительности в 1829 г. декабристы были еще в Чите. Кроме того, элемент беллетризации в рассказе Бестужева наличествует несомненно.

Таким образом, тетрадь И. И. Пушкина позволяет нам ознакомиться с музыкальным творчеством Ф. Ф. Вадковского и существенно уточняет даты сочинения музыки к «Славянским девам» и песни «Что ни ветер шумит...».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Н. П. Огарев. Кавказские воды. — Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 408.

² Бестужевы, стр. 294—295.

³ «Славянские девы. Петровский завод, за Байкалом. Слова А. Одоевского. Музыка Ф. Вадковского. 1835-й год». На 6 лл. — ЦГЛА, ф. № 392, ед. хр. 6.

⁴ За помощь, оказанную в разборе музыки Вадковского, приношу благодарность А. С. Ляпуновой.

⁵ Бестужевы, стр. 293, 295.

⁶ Архив Бестужевых, ед. хр. 5569, л. 202 об.; Бестужевы, стр. 771.

⁶ Бестужевы, стр. 292.